«Встреча»

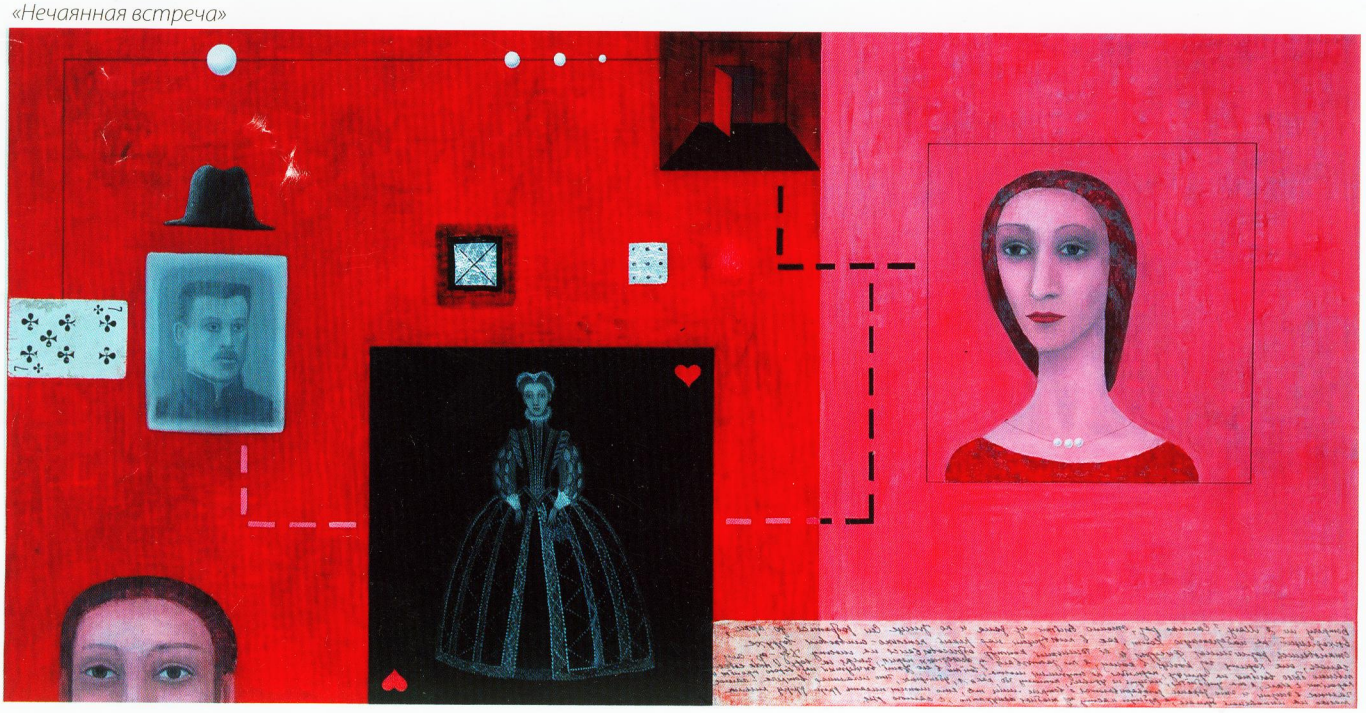
«Танцующие шарики»

Елена Честных — один из самых многообещающих молодых художников Новосибирска. Выставка в Художественном музее — для тридцатилетнего автора, безусловно, факт признания. Да еще если учесть и то, что вообще женщин (во всяком случае, из числа новосибирских художников) с «персоналками» в музее выставлялось не так много. Короче, карьера Елены Честных как станкового живописца, начатая менее десяти лет назад еще во время учебы в архитектурном институте, развивается стремительно. Если не ошибаюсь, из всех новосибирских художников, имеющих свои персональные виртуальные мастерские, лишь ее сайт chee. ru — живой и обновляющийся, — что тоже говорит в ее пользу.

Радостные холсты с пейзажами и персонажами, балансирующими на грани яви и сновидений, как оказалось, пришлись по вкусу всем — и профессиональному сообществу, и широкой публике. Если попробовать определить, в чем рецепт успеха Елены Честных — сразу и не скажешь. Да и препарировать ее творчество както не очень хочется. Главная задача живописи, как пошутил кто-то из художников, быть живой. Эта живопись жива.

Нельзя сказать, что ее картины поражают новизной — никаких особенных глобальных открытий в мировоззренческом плане (да и в стилистическом тоже) она не совершает. По ее работам даже не так-то легко определить основные влияния. Все эти влияния и уроки относятся к последним полутора векам европейского искусства, причем, взбитые кистью Честных, они превратились в коктейль, где уже едва угадываются ингредиенты: разве что импрессионизм дает дымный привкус. Сильно в этих работах

«Нечаянная встреча»



«Синоптик»

«Нежное время года»

ощущается «местный колорит» — имею в виду не березки-рябины, а влияние местного художественного контекста. В работах Честных многое кажется знакомым — видно, как на нее повлиял этот контекст.

В этом нет ничего дурного, более того, очевидна некоторая стилистическая и тематическая общность как минимум десятка новосибирских художников — что совершенно объяснимо. Тем более что у живописи Елены есть одна особенность, кардинальным образом отличающая их от полотен мэтров: она гораздо более привязана к натуре, к реальности. Я даже не говорю о работах пяти-шестилетней давности, привезенных из многочисленных путешествий по Ближнему Востоку и Индии (список стран, куда она отправлялась с этюдником, впечатляет: от Шотландии до Индонезии), где эта реальность предъявлена наглядно. Но и в картинах, условно говоря, фантастических натура все равно просвечивает через вымысел и сновидение. Допустим, свет на стенах домов в южных городах такой, что его, если не видел, просто так, из головы, придумать невозможно — и в картинах у Елены он именно такой, ослепительно-южный. Не говоря уж о Венеции, Амстердаме или Париже, порой преображенных оптикой сна, порой — данных с точностью объектива. Рю Лепик или Большой канал ровно такие, какими вы их видели в последнюю свою поездку, ничуть не изменились — и вы встречаете их как старых знакомых.

География — один из главных персонажей этих картин. Когда-то в незапамятные времена, до изобретения фотографии, миссию знакомства с неизведанными землями выполняло искусство. Хороший рисовальщик лет двести назад давал представление о заморских странах не хуже нынешнего телевизора. Сегодня художник, отправляющийся в иные палестины, не озабочен дотошностью и подробностями, на то у него есть никон или кэнон. Главное — передать ощущение места, создать его цветовой и эмоциональный образ. Елена Честных похожа на Афанасия Никитина, она отправляется за три моря и за тридевять земель за красками, невиданными в наших тусклых краях. Как в одном стишке замечательного поэта: «Был домик в три оконца в такой покрашен цвет, что даже в спектре солнца такого цвета нет».

Палитра, которую она добыла в путешествиях, ослепительна, все самые простые истории, рассказанные этими красками, становятся немного сказкой, немного фантастикой. Сюжеты этих историй просты — встреча, свидание, разговор, — но какая-то недоговоренность делает их загадочными, таинственными.

Мне кажется, именно связь с реальностью и обеспечивает работам Елены притягательность, отсюда их достоверность, что ли. Мне нравится, что все ее работы фигуративны, что ее не коснулось увлечение абстрактной живописью во всех ее изводах — от Малевича до Поллака. Я ничего не имею против абстракции, но история и география мне нравятся больше геометрии — а вся абстракция за сто лет, растеряв революционный пыл, превратилась именно что в геометрию, в чисто декоративное искусство, украшающее интерьеры, создающее пространство. В этом нет ничего зазорного, задача украсить помещение куда как достойна, но не стоит делать вид, что сегодня абстрактная живопись способна открыть зрителю какие-то невероятные глубины и тайны. Всю абстрактную живопись можно описать, уверен, двумя десятками слов: точка, линия, ритм, колорит, композиция, мазок и т.п. Абстрактная картина — хорошо это или плохо — однозначна, истолковать ее можно только так, а не иначе. Как можно неверно истолковать геометрические фигуры, даже если ты забыл про Пифагора? Фигуративная картина — всегда нарративна, это всегда разговор, это всегда история, всегда рассказ. Как любой рассказ, она может быть более или менее связной, убедительной. История может понравиться

«Причал»

«Башня»

«Разные истории»

или нет. Наконец, ее можно прочитать и истолковать совсем не так, как предполагал художник.

Возможно, я сильно упрощаю смысл картин Лены Честных, сводя его до территории между сновидением и бодрствованием, фантастикой и реальностью, — но мне кажется, что основные события ее живописи случились именно на этой площадке, это тот плацдарм, который она себе отвоевала и укрепила. Эта территория вовсе не столь мала — тем более что Елена ее то и дело расширяет, пытаясь выйти из хорошо освоенной стилистики: одни, монохромные, тянутся к фотографии, другие — к коллажу. Для меня это еще один плюс — многие художники, найдя какую-то свою узнаваемую манеру (да еще если эта манера становится востребованной и коммерчески успешной), продолжают писать в ней всю оставшуюся жизнь. Я надеюсь, что Елене Честных это не грозит.

«День»